

IN MEMORIAM

ЕЛЕНА ЗИНОВЬЕВНА МИРСКАЯ

09.06.1934 — 04.04.2017

«Историки науки всегда недоброжелательно относились к науковедению в институте, занимающемся историей науки»

Когда из жизни уходит крупный ученый, то среди коллег и научной общественности возникает вполне понятный интерес как к его научному наследию, вкладу в избранную область научного знания, так и к социальной среде, оказавшей влияние на формирование ученого. К числу крупных ученых, внесших значительный вклад в социологию науки, несомненно, относится и доктор социологических наук Е. З. Мирская.

Яркой особенностью научно-творческой деятельности Е. З. Мирской является весьма широкий диапазон исследований методологических и прикладных социолого-наукоеведческих проблем: «этос науки», «справедливость в науке», «научные школы», «женщины в науке», «международное научное сотрудничество», «реформа академической науки», «информационно-коммуникативные технологии в науке» и др. Среди них важное место занимают теоретические вопросы взаимоотношений науковедения и истории науки как родственных дисциплин, развивающихся в Институте истории естествознания и техники, в котором Е. З. Мирская плодотворно работала многие годы в секторе социологии науки, руководимом В. Ж. Келле. Это было одно из лучших подразделений ИИЕТ с теплым внутренним климатом и заслуженным научным авторитетом среди коллег института. После перехода Келле на работу в Институт философии АН СССР сектор возглавила Мирская, и многие годы в нем сохранялась благоприятная творческая атмосфера, способствовавшая

успеху коллективной научной деятельности, отмечает Ю. И. Кривоносов, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки. Коллеги-социологи Мирской, несмотря на то, что она не имела формального социологического образования и ученой степени по социологии, всегда очень высоко оценивали социологический уровень ее научных публикаций. Сама же она, из присущей ей скромности, в полной мере не причисляла себя к сообществу социологов до определенного карьерного этапа в ее жизни. В интервью, проведенном Н. Л. Гиндилис, Мирская сказала, что уже «после защиты докторской по специальности “социология науки” появилось и формальное основание считать себя социологом. Но по диплому я — физик (более 10 лет преподавала физику в университете Ростова-на-Дону), поэтому мой менталитет ближе все-таки к естественнонаучному знанию» [Гиндилис, 2011]. На мой взгляд, это «отклонение» в реальности позитивно сказывалось на стиле построения и изложения многочисленных социолого-наукоеведческих текстов Е. З. Мирской.

Работая более трех десятилетий в ИИЕТ, Е. З. Мирская имела возможность «изнутри» (в понятиях социологии — методом «включенного наблюдения») воспринимать и анализировать изначально неоднозначное отношение историков науки и техники к формированию в ИИЕТ (со второй половины 1960-х гг.) нового, нетрадиционного для института, направления исследований — науковедения, объектом которого является не прошлое, а настоящее науки, то, что обозначается термином «современная наука». Примечательно, что основателями этого нового направления исследований были не социологи, не психологи, а историки науки [Микулинский, Родный, 1966]. И хотя наука является для историков науки и науковедов общим исследовательским объектом, тем не менее между ними есть определенные различия в подходах и способах изучения этого объекта. Первоначально отношение историков науки к науковедению как к «чужеродному» направлению исследований» в ИИЕТ, на мой взгляд, носило не столько эмоционально-психологический, сколько предметно-корпоративный характер, объяснимый рядом причин: 1) с момента основания института его научные сотрудники традиционно занимались исключительно историко-научными исследованиями и историко-техническими исследованиями, непосредственно не связанными с проблематикой «современной науки»; 2) «непонимание друг друга» основывалось на том, что истории науки и науковеды в своей научной деятельности исходили из разных теоретических конструкций и методов исследований: история науки изучает эволюцию и структуру научного знания, теории, методы, гипотезы исследования, а науковедение рассматривает социальные проблемы современной (кадровый состав, финансирование, материально-техническая база и т. д.) науки; 3) в те годы за науковедением, как новым междисциплинарным направлением исследований, просматривался некий, я бы сказал, «экспансионистский настрой» по отношению к другим дисциплинам, изучающим науку. В частности, это выражалось, в настойчивых попытках некоторых науковедов включить в состав науковедения все дисциплины, объектом которых была наука, даже историю науки. Этот вопрос стал предметом активных методологических дискуссий в 1960–1970-х гг., продолжающихся и поныне, в которых приняла участие и Е. З. Мирская «Когда-то по этому вопросу была прямо-таки битва. С. Р. Микулинский настаивал на том, что науковедение — некая высшая целостность, а все остальное — его подчиненные части: социология науки, психология науки и даже история науки. Эта точка зрения не могла стать всеобщей» [Гиндилис, 2011]. Результаты исследований социологов и психологов науки, хотя это и не высказывалось от-

крыто, рассматривались историками науки как «чуждые» исконным, устоявшимся в ИИЕТ исследовательским традициям. Все эти причины, взятые в совокупности, негативно сказывались на первоначальных отношениях историков науки и науковедов, что нашло отражение в словах Мирской, вынесенных в заголовок статьи. Однако на более поздних этапах развития ИИЕТ, взаимоотношения историков науки и науковедов претерпели значительную эволюцию и трансформировались в более конструктивные отношения как в предметно-когнитивном, так в социально-организационном аспектах.

В советские годы, «в партийных верхах» порою критиковали ИИЕТ за абстрактно-теоретический характер историко-научных исследований, не имеющих прямого практического применения. С. Р. Микулинский хорошо «чувствовал» веяние нового времени и осознавал потенциальную прикладную значимость науковедения. «В сущности, как бы далеко не простирались прагматические цели истории науки, ее исследования все же главным образом отвечают на вопросы, *что и как было достигнуто*. Науковедение же должно отвечать на вопрос, *что есть и как должно быть*» [Основы, 1985]. Благодаря позиции С. Р. Микулинского положение науковедов в ИИЕТ существенно упрочилось, что привело к формированию в начале 1970-х годов отдела науковедения, состоявшего из самостоятельных секторов по психологии науки, социологии науки, системным исследованиям науки. Добившись от Президиума АН СССР разрешения на формирование отдела науковедения, С. Р. Микулинский сам и возглавил его (хотя занимался историей биологии), всячески способствуя сближению позиций и взаимодействию историков науки и науковедов. Это выразилось, в частности, в создании специальной серии индивидуальных и коллективных монографий под рубрикой «Науковедение: проблемы и исследования» (период 1969–1977 гг.), авторами которых стали не только науковеды, но и многие историки науки ИИЕТ. И после ухода С. Р. Микулинского из ИИЕТ в перестроечные годы, взаимоотношения историков науки и науковедов оставались стабильно доверительными. Настолько, что историки науки, доверились науковедам в управлении институтом (В. М. Орлу), Санкт-Петербургским филиалом (Н. А. Ащеуловой) в непростые годы постсоветского кризисного периода.

В постсоветской России определенный спад в организации и уровне науковедческих исследований во многом был связан, отмечала Е. З. Мирская, с отсутствием «лидера, которым был С. Р. Микулинский. Он был не только лидером направления, но и директором, который мог это направление поддерживать, а это очень важно... все держалось на энтузиазме С. Р. Микулинского и М. Г. Ярошевского» [Гиндилис, 2011].

В постсоветские годы в устав ИИЕТ, наряду с историей науки и историей техники, было введено и науковедение в качестве основного направления институтских исследований. И в этом была немалая заслуга самой Е. З. Мирской, ставшей в последние годы неформальным лидером исследований в сообществе науковедов ИИЕТ, внесшим фундаментальный вклад в развитие отечественной социологии науки. В перспективе, многогранный характер социолого-науковедческих исследований Е. З. Мирской, достоин развернутого и комплексного науковедческого осмысления.

Литература

- Микулинский С. Р., Родный Н. И. Наука как предмет специального исследования (к формированию «науки о науке» — науковедения) // Вопросы философии. 1966. № 5. С. 25–38.
- Гиндилис Н. Науковедение глазами его создателей // Вестник института социологии. 2011. № 2. URL: <http://www.vestnik.isras.ru>.
- Основы науковедения / под ред. Н. Стефанова, Р. Яхиела (НРБ), Я. Фаркаша (ВНР), Г. Кребера (ГДР), И. Малецкого (ПНР), С. Микулинского (СССР), Р. Рихты (ЧССР). М.: Наука, 1985. С. 21.

References

- Mikulinskiy S. R., Rodnyy N. I. (1966) Nauka kak predmet spetsialnogo issledovaniya [Science as a subject for special research] (k formirovaniyu «nauki o nauke» — naukovedeniya) // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. № 5. S. 25–38.
- Gindilis N. Naukovedenie glazami ego sozdateley [The science of the eyes of its creators] / *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2011 № 2. URL: <http://www.vestnik.isras.ru>.
- Osnovy naukovedeniya / pod red. N. Stefanova, R. Yakhiela (NRB), Ya. Farkasha (VNR), G. Krebera (GDR), I. Maletskogo (PNR), S. Mikulinskogo (SSSR), R. Rikhty (ChSSR). M.: Nauka, 1985. S. 21.

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ АЛЛАХВЕРДЯН

кандидат психологических наук,
руководитель Центра истории организации науки и науковедения,
Институт истории естествознания и техники РАН
Москва, Россия